

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2017

Пенелопа Уилкок

ДОЛГАЯ
ОСЕНЬ

Книга третья

ББК 86.37

У 36

Перевод с английского

Penelope Wilcock

THE LONG FALL

Originally published in English

by Lion Hudson plc,

Oxford, England.

All rights reserved.

Уилкок, Пенелопа

У36 Долгая осень / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2017. — 400 с.

Третья книга из серии «Сокол и Голубь» композиционно отличается от предыдущих. Вы уже не услышите историй современной рассказчицы — мамы Мелиссы. Речь здесь идет о последних месяцах жизни отца Перегрин, о его переживаниях, мыслях о Боге, смерти и бессмертии. Он — главный герой этой книги. Впрочем, может быть, не он, а его друг и помощник брат Томас? Ведь муки отца Перегрин, его немощь Томас переживает ничуть не меньше, чем сам аббат. Он навсегда сохранит в душе слова своего наставника: «Любовь уязвима. Мы узнаём ее по боли, которую она приносит с собой».

ББК 86.37

ISBN 978-1-78264-143-8 (*Lion Hudson*)

© Penelope Wilcock, 1993

© Издательство «Виссон», 2017

Посвящается
Марку и Джил Барретт

Община аббатства Святого Алкуина

Монахи

Брат Джон	<i>инфирмарий</i>
Брат Майкл	<i>помощник инфирмария</i>
Брат Эдуард	<i>помогает в лазарете</i>
Отец Чад	<i>приор</i>
Отец Колумба	<i>аббат — известен как отец Перегрин</i>
Брат Гилберт	<i>регент</i>
Брат Томас	<i>личный помощник аббата; кроме того, работает на ферме</i>
Брат Френсис	<i>переписчик и иллюстратор рукописей; отправлен в семинарию</i>

Брат Валафрид	<i>травник и винодел</i>
Брат Джилес	<i>помощник травника</i>
Отец Теодор	<i>наставник послушников</i>
Брат Кормак	<i>работает на кухне</i>
Брат Таддеус	<i>помогает в доме аббата, также работает в гончарне</i>
Брат Амброз	<i>келарь</i>
Брат Клемент	<i>служит в скриптории и библиотеке</i>
Брат Фиделис	<i>садовник</i>
Брат Питер	<i>заботится о лошадях, сделал кресло-каталку</i>
Брат Марк	<i>пчеловод</i>
Брат Стивен	<i>управляющий фермой</i>
Брат Мартин	<i>привратник</i>
Брат Паулин	<i>садовник</i>
Брат Доминик	<i>госпиталий, или странноприимный монах</i>
Брат Пруденций	<i>работает на ферме</i>
Брат Бэзил	<i>звонарь</i>
Брат Ричард	<i>рефекторарий</i>
Брат Дамиан	<i>отправлен в университет</i>

Брат Джозефус	<i>помощник аббата</i>
Брат Джеймс	<i>переплетчик, отправлен в университет</i>
Отец Бернард	<i>будущий келарь</i>
Брат Герман	<i>работает на ферме</i>
Отец Жерар	<i>елемозинарий</i>

Послушники и постуланты

Здесь не упоминаются, но вот некоторые из братьев, имена которых появятся в четвертой книге:

Брат Бенедикт	<i>работает в разных местах</i>
Брат Бонифаций	<i>помогает в скриптории</i>
Брат Кассиан	<i>работает в школе</i>
Брат Седд	<i>помогает в скриптории и ризнице</i>
Брат Конрад	<i>отвечает за дровяной склад</i>
Брат Феликс	<i>помощник отца Гилберта</i>
Брат Плацид	<i>работает в разных местах</i>
Брат Роберт	<i>помогает в гончарне</i>

Больные или престарелые братья, живущие в лазарете

Брат Денис

Отец Элред

Отец Анселм

Отец Пол

Отец Джералд

Брат Киприан

Усопшие братья, которые упоминаются в книгах серии «Сокол и голубь»

Отец Григори *прежний аббат общины*

Отец Эндрю *повар*

Отец Лукан

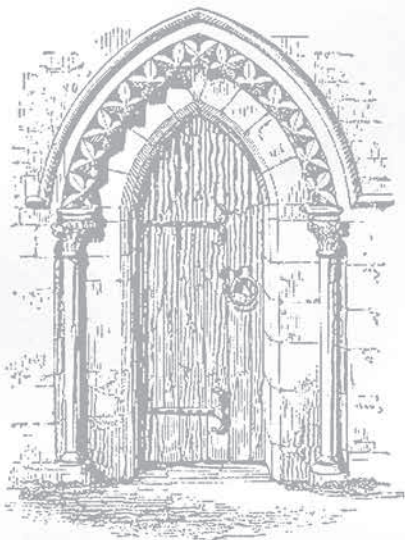
Помощники в общине

Мартин Джонсон *наемный слуга, работает
в лазарете*

*Худший вид несправедливости —
держаться в стороне,
худший вид невежества —
не действовать,
худший вид лжи —
улизнуть потихоньку.*

Шарль Пегги

Глава первая

На исходе лета

Двадцать второе июля.
Ежевика цветет. И цветочки у нее розовые. А Том всегда думал, что белые. Но когда новые, нежные, робкие побеги отяжелели под гроздьями тугих серовато-зеленых бутонов, тогда то тут, то там стали появляться ярко-розовые вспышки.

Малина в этом году обсыпная, роскошная — все благодаря ливням. Вот и теперь дождь огромными каплями стучит по разомлевшей от дневного зноя земле. Угли костра шипят и гаснут. Раскидистая жимолость у забора вносит в этот влажный, теплый и тихий вечер нотку душного, сладкого, женского

аромата, который смешивается с запахом дыма и щемит сердце, туманя разум.

Солнечный свет угасает, но пурпурно-синие лепестки шалфея еще ярче горят в наползающих сумерках. Как и голубые звезды алканны, и недвижно повисшие на толстых пушистых стеблях сиреневые кисти окопника. Пышные кремоватые зонтики бузины уже дают место обильным ягодам. Шиповник безумно красив, он еще в самом расцвете и тоже сулит богатый урожай. Зимой будет вдоволь сиропа из шиповника и бузиновой настойки.

На аптекарском огороде перитрум девичий разросся охапками желто-белых цветов, между которыми полыхает оранжевая календула. Всюду, всюду цветы!

«Что за лето выдалось! Правда, дождь сгноил половину нашего сена. А кое-что до сих пор остается в поле. Зато нас, похоже, ждет неплохой урожай зерна, и в бобах недостатка не будет — не то что в прошлом году, когда запас еле-еле, с горем пополам удалось растянуть на зимние месяцы. Ох, и медовый же год впереди! Цветы так и пышут здоровьем на

сочных стеблях — не никнут, не вянут. Нектара столько, что любая пчела расплывется в улыбке от счастья. Вот уж и вечер близится — вдали проворчал угрожающе гром. Коровы приглушенно мычат по дороге с пастбища в свой коровник. Брат Стивен в который раз припозднился с дойкой. В это время года ему явно нужен толковый помощник. Еще дальше, на холмах, раздается блеяние. Не представляю, как можно жить в тех краях, где не водятся овцы, — не слышать, как они подзывают ягнят; или, например, как одиноко кричит над головой кроншнеп; или как, взмывая под облака, разливается сладкоголосыми трелями жаворонок».

Так размышлял брат Том, сгребая остатки листвы на дымящееся кострище. Колокол уже звал к повечерию. Ветер подул с другой стороны, и Тома окутало облако дыма. Глаза защипало; он отвернулся и, громко откашлявшись, упрекнул себя: «Все правильно, поделом. Стоишь тут, ворон считаешь, а должен уже в часовню топать». И, прислонив к ограде вилы, пошел через сад — неторопливо, хотя колокол уже замолчал. Не такой это вечер был, чтобы спешить.

К своим тридцати трем годам брат Том вот уже одиннадцать лет как получил сан монаха в аббатстве Святого Алкуина на окраине йоркширских пустошей и с тех пор служил Господу в согласии с Уставом святого Бенедикта, усвоив ритм духовной жизни, при котором труд воспринимается как молитва, а молитва — как труд. Как и большинству братьев, поначалу ему пришлось пройти через некоторые трудности, однако сейчас жизнь его вполне устраивала. Львиную долю времени Том как личный помощник настоятеля проводил в его жилище, но этот рослый и крепкий мужчина, выросший на ферме, при всякой возможности находил себе работу на природе: в поле, на огороде, где-нибудь на холмистых пастбищах во время появления ягнят.

Прежде чем пуститься в обратный путь, Том с удовольствием оглядел прополотые грядки, а по дороге остановился, увидев побег белой розы, склонившийся над самой тропой. Тонкий стебель опасно гнулся под своим пышным бременем. Том выудил из кармана бечевку и, вытащив из-за пояса нож (обычное подспорье монаха в сотне разных ситуаций), разрезал ее пополам, чтобы бережно подвя-

зять цветков. Потом наклонился, вдохнул аромат — и лишь после этого нырнул в галерею клуатра. В стене была маленькая дверь, через которую он попал в ризницу монастырской церкви.

Немного постоял, давая глазам освоиться, и шагнул в часовню. Благоуханные летние сумерки остались позади. Над головой распростерся гигантский свод, наполненный одновременно тишиной и таинственным, перекликающимся, словно в глубокой пещере, эхом; живая тьма дохнула в лицо запахом камня, воска и ладана.

В часовне мирно воспевали псалом. Том с тревогой прислушался: «...frumenti, vini, et olei sui multiplicati sunt. In pace in idipsum dormiam...»*

— Батюшки, уже последний стих! — проворчал он себе под нос. — Пора шевелить ногами!

Только сегодня утром, во время часа чтений, обсуждалась глава из Устава, касавшаяся

* «...Хлеб и вино и елей умножились. Спокойно ложусь я и сплю...» (Пс. 4:8–9). — Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику.

пунктуальности, и аббат соловьем разливался о том, что она есть золотое правило вежливости, которая, в свою очередь, является главным украшением в венце христианского милосердия.

Брат Том слушал проповедь вполуха: наученный долгим опытом, он хорошо знал, насколько серьезна эта тема для отца-настоятеля. Все правила, имевшие хоть какое-то отношение к вежливости, он требовал соблюдать неукоснительно. Том за те одиннадцать лет, которые прослужил при нем личным помощником, чего только не наслушался об учтивости и пунктуальности. Впопыхах взбежав на хор, он проскользнул на свое место с подобающим смиренным видом как раз на последней фразе из «Глории»*. Строго говоря, он даже не опоздал, хотя был на волосок от этого. Почувствовав на себе взгляд аббата, монах набрался духу и поднял глаза. Отец Перегрин укоризненно покачал головой, однако очи его продолжа-

* «Глория» (*Gloria in excelsis Deo* — Слава в вышних Богу (*лат.*)) — древний христианский богослужебный гимн, входящий в состав католической мессы латинского обряда и англиканской литургии.

ли тепло улыбаться. Впрочем, Том привык не особенно обольщаться насчет этой улыбки и кротко потупился, присоединяя свой голос к общему пению: «Non accedet ad te malum: et flagelum non appropinquabit tabernaculo tuo. Quoniam angelis suis mandavit de te: ut custodiant te in omnibus viis tuis...» — «...Не приключится тебе зло и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих...»*

Брат Том нередко задумывался над тем, как должен относиться аббат к этому и многим другим похожим обетованиям из Писания. Что он чувствует, воспевая подобные слова? Отец Перегрин, тот, чью левую ногу и обе руки искалечили головорезы; целых тринадцать лет он тянет лямку собственного увечья, передвигаясь при помощи костыля, терзаясь беспомощностью, — и все же, глядите-ка, поет как ни в чем не бывало. Интересно, сердится ли Перегрин иногда на Бога? «Где была Твоя защита, когда я так в ней нуждался? Где носило Твоих небесных ангелов?» Возможно.

* Пс. 90:10-11.

Однако эти мысли, как и многие другие, он предпочитает держать при себе.

Брат Том вздохнул. Он любил своего настоятеля, но службу его личным помощником считал не самой приятной на свете. Человек это был не из легких — со своими приливами мрачного настроения, раздражительный и в духовном отношении чрезвычайно шепетильный. При этом брат Том не знал, найдется ли на свете другой монах, настолько чуткий к чужому горю, потерям, отчаянию, усталости. Пожалуй, эта-то чуткость к страдальцам в первую очередь и выдавала ужас, гнездившийся в его собственной душе. И все-таки: злился ли он на Бога? Может, и нет. Больше всего в Писании Перегрин любил слова: «Ессе homo» — «Се, Человек!», которые произнес Пилат, когда вывел перед толпой избитого, израненного, оплеванного римскими солдатами Иисуса в венце из терновых колючек. Се, Человек. Эммануил. Бог с нами.

Том часто слышал, как Перегрин вновь и вновь возвращает мысли братьев к этой живой иконе Божьей любви. Возможно, и в соб-

ственных страданиях он видел нечто вроде жертвы страдающему Господу.

— Разбитое сердце, — не раз и не два повторял он своим монахам, — дух сокрушенный и тело в агонии — вот истинные святые, на которых пребывает сила Его присутствия, а не останки мертвых или алтари, возведенные человеческими руками.

Том снова бросил взгляд на аббата. У того был усталый вид. Впрочем, как и всегда. Прешлой ночью, проснувшись от зова колокола к ночной службе, Том обернулся к настоятелю, с которым делил одну спальню, и обнаружил его постель нетронутой. Когда он проходил через главную комнату, где Перегрин работал, тот как раз с трудом поднимался из-за стола, заваленного горами планов и счетов, относящихся к монастырской ферме. Та же история повторилась под утро, когда колокол вновь прозвонил. Умывая и брея аббата перед началом часа чтений, брат Том попенял ему:

— Нас-то, небось, гоняете из-за каждого правила, а сами режима не соблюдаете. Любого из монахов, кто бы так загонял себя и

вовремя не ложился спать, вы уже давно бы с костями съели. А вы, что, особенный?

— Я — настоятель этой обители. Поэтому — да, особенный. Если не разберусь с этими хозяйственными постройками, нам придется снова влезать в долги. Для того ли я целых пятнадцать лет вытаскивал монастырь из долговой ямы и поддерживал в состоянии финансовой независимости, чтобы нам сейчас потерять эту независимость?

Брат Том аккуратно смыл с его лица следы мыла:

— На кого вы похожи? Вокруг глаз — синяки, словно после драки. Худеете, просто истаяли. Выглядите ужасно. В сентябре вам исполнится шестьдесят, в этом возрасте уже неразумно жечь свечку сразу с обоих концов. Заболеете ведь — да-да, заболеете, как пить дать. Нечего так смотреть на меня. Вы — монах. Смиритесь, предайте свои дела в руки Господа — и спите себе по ночам, ешьте вовремя, будьте паинькой. Если бы я был вашим начальником — уж и пропесочил бы вас за неподчинение Уставу!

— Начальником? Это с каких же пор ты мечтаешь стать надо мной начальником,

чтобы меня песочить? Нет, вы только послушайте! Честное слово, брат Томас, жить с тобой — все равно что иметь жену-пилу, только вконец позабывшую о брачных обязанностях! Полегче, Богом тебя прошу. Так, а теперь, будь любезен, возьми с собой в дом чтений вон те бумаги. Хочу просмотреть их сегодня с братом Амброзом и другими, кто в курсе наших хозяйственных затруднений, но и прочим братьям тоже нужно будет обрисовать положение — хотя бы немного, в общих чертах.

После часа чтений, во время которого Перегрин изложил перед всеми монахами суть забот, вставших перед обителью, он встретился со своим приором Чадом, братом Стивенном и стареньким братом Пруденцием с фермы, с нынешним келарем Амброзом (прозорливым, рассудительным, опытным, но тем не менее стареющим на глазах) и с его будущим преемником, отцом Бернардом, только начавшим осваивать новое для себя дело. Присутствовал также один арендатор-фермер, который помогал управлять фермой в счет уплаты своей аренды, и, конечно, брат Том, в чьи обязанности входило подавать нужные планы, записи и документы. Речь шла о некоторых

хозяйственных постройках, нуждающихся в неотложной починке. Загвоздка была в том, что за прошлый год казна аббатства существенно пострадала из-за налогов Ватикана и королевских военных поборов. К тому же, ранние летние дожди сгубили урожай сена в ближайших окрестностях — значит, на зиму его предстояло купить и доставить еще откуда-нибудь.

Брат Томас не без интереса прислушивался к разговорам. Обычно он пропускал беседы вышестоящих персон мимо ушей, но на сей раз речь шла о понятном и близком его сердцу предмете.

— Вдобавок, мы потеряли пятьдесят восемь овец из-за падальной мухи. Нашей вины в этом нет: стадо пришлось перевести в сад холмистого пастбища, где овец изводили треклятые охотничьи псы сэра Жоффруа д'Ибаси. А в саду их достала муха. Цистерцианцы из Маунт-Хоуп обещали продать нам суягных овец ближе к осени, когда у нас будут деньги за шерсть, настриженную этим летом. Стадо у них хорошее, крепкое, однако уступок в цене ожидать бесполезно. Сдерут с нас все до последней монетки.

Брат Стивен категорически настаивает на починке полевых хлебов для скота — вот здесь... и здесь. Коровник подождет. Надо просто молиться за теплую зиму, и все.

Еще одна срочная трата — нужно поправить каменную кладку главного стока возле дортуара. С этим тянуть нельзя. Моральное состояние любой общины напрямую зависит от состояния уборных.

И еще проблема: колокольня Святой Девы Марии, пострадавшая, если помните, прошлой зимой от бури. Как и крыша на восточной стороне церкви. На Пасху отец Чад читал мессу под перестук капель, танцующих на его бритой макушке. И хотя прихожан это, разумеется, повеселило, залатать крышу пресбитерия — наша прямая обязанность.

Кроме того, в феврале к нам прибудет с шестинедельным визитом епископ Эрик со свитой, а это значит, нужны дрова для каминов, фураж для его лошадей и горы провизии в самое скудное время года.

Далее, в этом году мы должны послать в университет по крайней мере двоих младших монахов. Отговориться нехваткой средств

больше не получится. Думаю, это будут брат Джеймс и, наверное, брат Дамиан. Пока не знаю. У меня есть друзья в Или, которые разместят их в аббатской гостинице в Кембридже: это хоть как-то урежет расходы.

Мы могли бы повысить ренту, хотя, конечно, такие меры — острый нож к горлу. Однако иного пути мне в голову не приходит. Надеюсь, у вас есть какие-то соображения. Но если они касаются постройки нового амбара с тремя гумнами, такого же, как в поместье Балбридж, и новой голубятни, слухи о которой до меня доносятся в последнее время, — можете сразу об этом забыть. Итак, брат Стивен?

Тот откашлялся:

— При всем почтении, отец, я уверен, что голубятня — тоже срочное дело. В прошлом году мы его отложили, и в позапрошлом тоже. При этом голубиное мясо — прекрасное подспорье для кухни. Как вы уже указали, к нам едет епископ, и его нужно чем-то кормить. Если половина птиц зимой перемерзнет, придется дополнительно забивать овец или кур. Если же перестроить голубятню и увеличить

ее, как давно пора было сделать, у нас будет куда больше мяса.

Отец Перегрин вздохнул. Взгляд у него был напряженный, левый глаз непрерывно подергивался.

«Переутомился, — подумал Том. — У него уже мысли путаются и голова трещит».

— Ладно. А ее обязательно перестраивать? Может, достаточно починить?

Брат Пруденций покачал головой:

— Крыша в дырах вот уже несколько зим. Несколько балок прогнили, насесты тоже.

— Да, но если их заменить, порча остановится, верно? — Брат Пруденций покорно потупился и замолчал. — Верно? — повысил голос аббат.

— Да, отец, — кротко промолвил брат Стивен.

— Благодарю за ответ. Крышу, так и быть, почините. Это мы можем себе позволить. Теперь насчет хлебов. Что скажете, брат Стивен?

— Тот, что на холмах... здесь... без перестройки не сегодня-завтра обрушится. Но он-то хотя бы каменный. Мы с братом Томасом,

если вы его отпустите, могли бы заняться им после жатвы. Вот этот тоже в угрожающем состоянии. На него еще по весне бурей повалило огромный вяз. Опять же, с балками и каменной кладкой мы справимся, но нужна будет помощь брата Томаса. Мы же вытешем новые опоры, брат?

Том кивнул:

— Знакомое дело.

Стивен ободряюще улыбнулся аббату, но тот не ответил, хмуро уставившись на расстеленные перед ним планы монастырского поместья. Брат Стивен обменялся обеспокоенным взглядом с управляющим и робко перешел к предложению, на успех которого надеялся меньше всего:

— Отец, я по поводу дальних построек на западе, у самой границы. Вряд ли вы туда заглядывали в последние годы...

При всем уважительном тоне, это была зазубренная стрела, и она угодила в цель. Лицо Перегринна помрачнело еще сильнее, желваки заиграли, губы плотно сжались. Том слишком хорошо знал, что этот знак не предвещает добра.

— Да?

Существовало не так уж и много дел, с которыми аббат, при всей своей увечности, не сумел бы справиться; но хромота действительно мешала ему наведываться в ту местность с ее крутыми перепадами ландшафта и каменистой почвой. Пожалуй, со стороны брата Стивена это был неосторожный шаг — так грубо напоминать отцу-настоятелю о его беспомощности.

— Там просторный амбар, однако и работа в нем предстоит большая. Скажу без обиняков, он вот-вот обрушится. Боковые стропила совсем обветшали. Подъемные ворота прогнули, так что свиньи и куры из соседних поместий запросто забредают, когда им вздумается. И потом, если снести амбар сейчас, пока некоторые балки еще целы и могут нам послужить, если на его месте построить новый, побольше, с двумя, а лучше тремя гумнами, мы бы могли сократить ввоз зерна и соломы...

— Брат Стивен, — тихо проговорил Перегрин, — только через мой труп вы снесете прекрасный амбар в угоду своим мечтаниям.

Позвольте напомнить, что вы дали обет святой бедности. Согласен, это не самое удобное здание. Я даже готов подумать о его увеличении, когда у нас появятся лишние средства. Стропила и ворота заменим, но это все.

Брат Стивен только промолчал. Управляющий собрался было что-то ответить, но, встретившись глазами с Перегрином, закрыл рот и просто кивнул.

Вскоре настала пора идти к обедне, и братья разошлись в подавленном настроении.

Не сильно улучшилась обстановка и после обеда, когда все собрались опять, чтобы обсудить возможности пополнить казну.

— Мой господин, мы могли бы... — заискивающим тоном начал брат Амброз, и Перегрин тут же выгнул бровь, — продавать корродии, как прежде...

«Ох, лучше молчите!» — промелькнуло в голове Тома, а через долю секунды уже грянул гром.

— Нет! Я не для того столько лет пахал, вытаскивая монастырь из долгов, чтобы теперь навязать ему на шею вечное бремя — чтобы среди монахов шатались незваные чужаки,

внося духовную порчу, и все из-за того, что нам прямо сейчас понадобились деньги.

— Ладно-ладно, — всплеснул руками Амброз. — Значит, возвращаемся к испытанным способам: затягиваем пояса еще туже и повышаем ренту.

— Да, именно так. Пока не достигнем такого уровня, когда сможем позволить себе желаемые улучшения — разумеется, в меру, не нарушая обетов бедности.

Отец Перегрин вплоть до вечерни убеждал братьев ограничить любые расходы до самых необходимых. Монахи были разочарованы, но, веря своему настоятелю и уважая его, всеми силами старались принять его точку зрения.

Когда все, кроме брата Томаса, удалились, Перегрин остался сидеть, хмуро глядя на разложенные перед ним расчеты и планы.

Том уселся напротив, в кресло, покинутое братом Пруденцием.

— Вы когда-нибудь замечали, отец, — начал он, — как тосклива жизнь переутомившегося человека, особенно если у него раскалывается голова и он двое суток нормально

не ел? Обращали внимание, как он вдруг начинает бросаться на людей, как исчезают куда-то его обычная доброта и великодушие, способность посмотреть на ситуацию чужими глазами?

— Брат Томас, ты мне еще тут проповедь будешь читать?

— Да разве бы я посмел? Просто хотел напомнить, что человека, забывающего про сон, трудно отличить от человека, забывшего про милосердие, терпение и про чувство юмора.

— Что же, спасибо тебе огромное. А теперь мне нужно еще раз обмозговать все эти расчеты. Не сомневаюсь, ты тоже найдешь, чем заняться.

— Наверное, нужно было сказать: «...забывшего про милосердие, терпение, чувство юмора и вообще потерявшего здравый смысл».

— Ты переступаешь границу, брат Томас. Не стоит переоценивать мою доброту и бесконечно испытывать мое терпение. Всему есть предел. Иди лучше, прополи огород, или что ты там собирался делать.

Том сердито махнул рукой и ушел.

И вот теперь, во время повечерия, он не мог без боли смотреть на осунувшееся лицо настоятеля, изрезанное резко очерченными морщинами, сжатый от боли рот и полные внутреннего напряжения глаза.

После службы братия молча удалилась на покой. Том дал Перегрину десять минут на дорогу, потом поднялся с колен и отправился следом. Аббата он нашел за рабочим столом, что был устелен бумагами. Брат Томас уселся напротив.

Перегрин поднял голову и вопросительно выгнул бровь, но, естественно, ничего не сказал.

— Идите спать, — подал голос Том.

Настоятель нахмурился:

— У нас теперь время молчания.

— Прошу вас, идите спать.

Аббат помедлил:

— Честно сказать, брат, чувствую я себя неважно. Боюсь к утру подхватить горячку или еще что-нибудь, поэтому и хочу сперва разобраться с делами. Обещаю тебе, как только

вот эти последние вопросы улягутся в голове, я посвящу целый день, а то и два, поискам своего утерянного здравого смысла, не говоря уже о чувстве юмора и так далее. Но сейчас мне необходимо сосредоточиться. Иди в постель. Я управлюсь к утрение и подремлю до рассвета.

Монахам, встающим к полунощной службе, полагалось ложиться рано; не было еще десяти, когда брат Томас развязал завязки сандалий и пояс, стянул с тела рясу и забрался в постель в одних панталонах и нижней рубашке. Устав повелевал братьям спать в полном облачении, снимая только нож с пояса, чтобы случайно во сне не пораниться, однако Том не собирався потеть в рясе знойной летней ночью. Снаружи едва-едва начинали сгущаться сумерки, но в жилище аббата с узкими щелями окон было уже довольно темно.

Том сбросил с себя одеяло. Погода стояла жаркая, духота ощущалась даже среди прохлады монастыря с его толстыми каменными стенами. Где-то вдали приглушенно погрохатывал гром. Брат Томас ворочался с боку на бок и никак не мог устроиться поудобнее.

— Хоть бы дождь пошел, — пробормотал он. — Дышать нечем!

Пару часов назад с неба упало несколько крупных, увесистых капель, но на этом все и закончилось, и природа угрюмо застыла в предчувствии серьезной грозы. Том лежал на спине, согнув ноги в коленях, сцепив ладони под головой и уставившись в темноту. «Так я вообще не усну», — подумал он...

И проснулся от ужасающего громового раската. За узким окном полыхнуло голубым светом, воздух наполнился сладким ароматом дождя. Потоки воды обрушились на косую крышу аббатского жилища, пристроенного к основному зданию как бы опомнившимся в последнюю минуту зодчим. Брат Томас повернулся на бок, прислушался. Шум дождя и раскаты грома вполне могли заглушить дыхание спящего рядом человека, но Том отчего-то был твердо уверен, что он здесь один. Новая вспышка молнии озарила комнату; доли мгновения оказалось достаточно, чтобы разглядеть пустую, нетронутую постель аббата.

— Чем же он занимается? — нахмурился Том.

Встав с кровати, он накинул на себя рясу, подпоясался и отправился в рабочую комнату настоятеля. На огромном дубовом столе по-прежнему высились беспорядочные горы бумаг, но отец Перегрин куда-то исчез. Дверь в клуатр оставалась закрытой, зато кто-то отпер маленькую дверь в стене позади письменного стола.

Брат Томас подошел и выглянул через узкий низкий проем в темноту. Перегрин стоял на мощеной дорожке, опираясь на свой деревянный костыль и подставив лицо дождевым струям. Вокруг ревела и грохотала гроза, вспышки молний время от времени бросали отсветы на мокрые камни у него под ногами и на трепещущие листья березы.

— Идите домой, глупец! — крикнул Том. — Какого черта вы здесь вытворяете?

Услышав оклик, Перегрин обернулся, и молния осветила его лицо, сияющее восторгом, смеющееся назло дикой буре.

— Вот честное слово, я начинаю сомневаться, в своем ли вы уме, — проворчал брат Томас, когда аббат подошел и остановился у порога, весь мокрый, с головы (с налипшими

вокруг тонзуры блестящими волосами) до самых пяток.

— Отец, я... — Том уставился на него, не веря глазам. — Ах вы, безмозглый... безмозглый... Дайте принесу полотенце. Ждите здесь и даже не думайте переступить порог.

Он пересек комнату, прошел по клуатру до лаватория у входа на кухню, где аккуратной стопкой были сложены до утра полотенца, взял из них парочку сверху и поспешил обратно.

Перегрин все еще стоял в дверях, повернувшись к дому спиной и глядя на грозовую ночь.

— Заходите и вытирайтесь. Простудитесь же, как пить дать! Посмотрите, посмотрите на себя! Нет — лучше я. Вы ведь на пол его выжимаете; конечно, вытирать-то потом не вам, а мне! Ох, отец, во что вы превратились! Вымокли до костей! Нужно поискать вам сухую одежду. В сундуке найдется другая ряса?

— Не знаю, ты же мой личный помощник и должен заботиться о таких вещах, — отвечал Перегрин, вытирая голову одним полотенцем, пока Том растирал его тело вторым,

сняв с него сырую одежду и бросив ее хлюпающим комом на порог. Аббат посмотрел на помощника шальными от упоения глазами. — Я просто обрадовался грозе, — произнес он извиняющимся тоном, однако с самым что ни на есть ликующим видом. — В ней столько страсти, столько величия! Я совсем не думал причинять тебе неудобства.

— Ну что вы, какие неудобства, отец? А вот вам, если запасная ряса не отыщется, придется шагать в часовню в чем мать родила.

Том затеплил свечу, отправился в спальню, подошел к сундуку у стены и поставил подсвечник так, чтобы хоть немного видеть одежду, в которой роется.

— Нашлась ваша старая ряса, — сказал он, вернувшись. — До утра сойдет на замену. Она сплошь залатанная и в пятнах, ну да в темноте все равно никто не заметит. Здесь еще нижняя рубашка — только на пугало огородное надевать, но тоже пока сгодится. А без панталон как-нибудь продержитесь до утра. Идите, сядьте на стул и положите уже костыль.

Он помог настоятелю переодеться, вытер полотенцем его пояс и сандалии.

— Даже не представляю, который час. То ли в часовню идти, то ли дальше спать? А, колокол прозвонил. Вы уже даже похожи на приличного человека. Давайте запрем эту дверцу перед уходом. Ну как, разобрались вы со своей работой?

— Да. Все наконец уложилось в моей голове. Я понял, как нам и в долги не влезть, и восполнить за год насущные нужды. Утром поговорю с братом Амброзом и отцом Чадом. А теперь: тс-с-с! Мы бессовестно нарушаем время молчания. Больше — ни слова. Только одно: спасибо тебе, брат Томас. За все.

Во время долгого чтения Евангелия брат Том поглядывал на аббата: его веки неумолимо смежались, а голова, несмотря на отчаянные старания, то и дело слегка кивала. До конца утрени Перегрин еще продержался, но к лаудам совершенно раскис и, притулившись к боковой стенке своего сиденья, свесил голову на грудь. Том покинул отведенное ему место, приблизился к настоятелю и бережно встряхнул его за плечо. Перегрин со вздохом пошевелился, открыл глаза и сонно уставился на помощника:

— М-м-м?

Веки грозили закрыться опять.

— Отец... — Том склонился над ним и взял за плечо. Он представлял себе, как сильно будет смущен аббат, если его застанут спящим во время службы. — Отец!

Голова Перегринна дернулась набок, он что-то пробормотал, а потом как-то вдруг обмяк всем телом. Брат Томас присел на корточки, взял его за руку:

— Матерь Божья, да у него конвульсия!

Он обернулся через плечо и, к своему облегчению, увидел, как в часовню заходит брат Джон. Монахи из лазарета не каждый раз посещали ночную службу. Все зависело от количества их подопечных.

— Брат Джон! — позвал Том тревожно, вполголоса.

И все-таки его оклик перекрыл шорох сандалий, заставив скрытые под капюшонами лица монахов, возвращающихся в часовню ко второй за ночь службе, заинтересованно повернуться. Джон подошел к аббату под напряженными молчаливыми взглядами.

— Вот, у него... я не знаю... какие-то судороги...

— Так, подвинься-ка, дай посмотреть. Да, продолжай его придерживать. Попробуем взглянуть на лицо. Может, я подхвачу отца под руки, а ты возьмешь за ноги? Только класть будем на бок, не на спину. Справишься?

Успокоенный невозмутимым голосом, Том помог поднять Перегрину, а потом уложить на пол.

— Так, поглядим. Блевотины во рту нет. Глаза закатились. Лицо очень серое. Хм-м. Не очень-то мне это нравится. Мы можем поменяться местами? Хочу осмотреть тело. А... ясно. Видишь? Правая сторона вся перекосилась. Вот и с лицом то же самое. Я уже наблюдал подобные судороги. Есть надежда, что все обойдется, но... Ага, судорога закончилась. Дыхание медленное, очень медленное. Боже, а кожа-то страшная какая, даже при свечах. Нужно доставить его в лазарет. Знаешь, где тут стоят погребальные носилки? Перетащим на них. Пошли кого-нибудь в лазарет, сообщить брату Майклу, чтобы нас встретил кто-нибудь толковый. Брат Френсис или... Да,

Том! Скажи уже отцу Чаду, чтобы начинал службу. А то у меня мороз по коже от этой молчащей публики.

Даже воздух в часовне налился тяжелым свинцом, когда братья нарушили унылую тишину и, покоряясь давней традиции, открыли рты для песнопений. В этом году монастырь уже посещала смерть: по весне ушел отец Мэтью, а шесть недель спустя, перед Троицыным днем, — старенький отец Лукан. Голоса монахов привычно качались на волнах псалма, взлетая и опускаясь, однако все мысли были прикованы к утратившей сознание оболочке аббата, которую под мрачными взглядами братьев вынесли на погребальных носилках через южную дверь хора.

В теплом, недвижимом сумраке лазарета горели ночные лампы. Брат Майкл успел подготовить постель в не занятой другими больными палате. Действовал он спокойно, не совершая лишних движений, точь-в-точь как брат Джон. Оба привыкли иметь дело с нездоровыми, напуганными людьми, нуждавшимся в утешительном самообладании не меньше, чем их перелом или горячка нужда-

лись в лечении, а мускулы — в растирании с ароматическим маслом. Это была неотъемлемая часть заботы, на которую больные могли здесь рассчитывать, и брат Майкл, ощутив тревогу Тома, постарался сгладить ее своим невозмутимым отношением человека, знающего свое дело.

Томас беспокойно всматривался в лицо брата Джона, пока они с братом Майклом раздевали аббата и укладывали его в чистую постель. Обмякшее, но одновременно окоченевшее, точно труп, тело Перегринна не сопротивлялось их действиям, но и, конечно же, не помогало. Его широко раскрытые глаза вращались независимо друг от друга. Затрудненное дыхание прорывалось из груди с хрипом. Внимательный, сосредоточенный взгляд брата Джона не выдавал никаких движений души.

— Это его старая туника. — Том и сам слышал, что почти бессвязно бормочет из-за волнения, однако никак не мог взять себя в руки и говорить помедленнее. — Он вышел ночью под ливень и вымок насквозь. Нижняя рубашка — тоже старая. Панталон я других не

нашел, это было глубокой ночью. Думал утром поискать что-нибудь попримечнее, но...

Брат Джон поднял глаза:

— Все в порядке. Панталоны ему в ближай-
шие дни не потребуются, ряса тоже, а нижних
рубашек у нас — полный шкаф. Не волнуйся,
брат. Иди пока, отдохни. Если что-нибудь из-
менится, я сообщу. Какое-то время он оста-
нется в таком состоянии, потом — одно из
двух. Будь готов ко всему.

— Я же говорил, я говорил ему не пере-
утомляться, беречь себя...

Брат Джон покачал головой:

— Думаю, это вряд ли что-нибудь измени-
ло бы, Том. Он же не молодеет. Такие вещи
случаются рано или поздно, от человеческой
воли тут мало что зависит. Сделаем все, что в
наших силах, не унывай.

Брат Томас кивнул.

— Ну, я пойду, — сказал он, замявшись в
дверях. — Помочь больше нечем. Если что,
дайте знать.

И вышел в ночь, под струи дождя, охвачен-
ный чувством глубокой потери. За годы об-

щения между ним и отцом Перегрином завязались крепкие узы доверия и любви. Легко сказать: «Будь готов». Возможно ли подготовиться к утрате этого трезвого ума в сочетании с горячим сочувствием, этой честности, смелости веры, этого человека, с которым они успели настолько сблизиться?

Том не пошел отдыхать, а вернулся в часовню. Сделать он ничего не мог, зато мог молиться, а сон теперь все равно бежал от него. Перед мысленным взором так и стояло сизое, обмякшее лицо Перегринна с закатившимися глазами. Толкнув дверь, Том вошел на хор.

И увидел перед собой всю общину, единодушно оставшуюся после службы ходатайствовать перед Богом за своего аббата. Так, в тревоге и молитвах, братья пробыли до утра.

Глава вторая

Сразу после бури

— Значит, ты предпочел бы работать на ферме, чем оставаться здесь? — спросил отец Чад.

— Да. Предпочел бы. Я хоть сейчас — на ферму.

Брат Том стоял перед огромным дубовым столом аббата, чистым и не заваленным бумагами, как это обычно бывало при Перегрине. Отец Чад много лет служил приором, теперь же, на время болезни настоятеля, вступил в его должность. Ему это не стоило слишком больших усилий: благо, Перегрин за эти годы привел общину в порядок — как в денежных

вопросах, так и в отношении духовного наставничества. Глядя на прибранный стол и на отца Чада в аббатском кресле, Том ощутил досаду, которая (он это знал) означала опасность «обособленных» отношений, выделения одного из братьев среди других. Приняв обет целомудрия и блюдя свое сердце от человеческих привязанностей, он должен был бы бесстрастно принять мысль о том, что на месте Перегрина вскоре окажется кто-то другой. Должен был, но не мог. И не видел смысла себя обманывать.

— Я лучше на земле поработаю, — продолжил он. — Там еще две полоски несжатого сена остались с июня. Его нужно скорее убрать в закрома, брату Стивену одному не справиться. А еще мы хотели до урожая заниматься полевыми хлевами на самых открытых местах. Потому что, когда урожай будет собран, — наступит осень, погода начнет капризничать, а нам ведь пахать еще, и...

— Хорошо-хорошо, брат Томас! Вижу, тебе не терпится в путь. Я попрошу братьев Джозефуса и Таддеуса занять твое место. В любом случае, в наши дни одним помощником не

обойтись — нужны хотя бы двое. Знаю, отец Перегрин предпочитал иметь одного: дескать, смирение, бедность и все в таком духе, — но я могу привести уйму доводов, почему с двоими работать разумнее. Ты хорошо исполнял свою службу, брат. Я часто думал, как нелегко тебе соблюдать обет послушания, когда сердце влечет на ферму, но отец велит по-другому. Он полагался на тебя, как ни на кого другого. Перемена занятия пойдет тебе на пользу. Можешь сегодня же отправляться на ферму. Посетителей я не жду, пишу в обед приму вместе с братьями в общей трапезной.

— Благодарю вас.

Отец Чад улыбнулся, и Том покорно выдавил из себя ответную улыбку, однако на душе у него скребли кошки. Действительно, все лето он рвался душой на ферму, как и в любое время; но вот сейчас, получив желаемое, не ощущал ни капли радости.

Раньше, в июне, когда монахи спешили сжать как можно больше сена, пока в их планы не вмешались дожди, обет послушания казался ему тяжкими веригами. Большинство трудоспособных братьев проводили в полях

целый день, а ему удавалось урвать разве что пару часов после обеда. Все прочее время Том оставался в жилище аббата, помогая принимать бесконечную череду пилигримов, решивших воспользоваться монастырским гостеприимством, и внутренне стонал, будучи ограничен такими скучными обязанностями, как прислуживать за столом и беспрестанно подливать вино в кружки. Как-то отец Перегрин заметил его настроение.

— Кажется, тебя тянет в поле, брат Томас? — спросил он.

— Да, — коротко ответил Том.

Желваки настоятеля знакомо дрогнули, когда он ровным голосом предложил:

— Брат, я в любую минуту могу тебя отпустить на ферму. Попрошу помочь брата Френсиса или еще кого-нибудь.

Молчание помощника вынудило аббата поднять на него глаза, полные тревоги и ранимой незащитности. Но ведь Том и так все понимал. Понимал, что Перегрину позарез нужен рядом человек, который хорошо знает все его слабости, умеет сквозь защитную маску разгадать настроение своего аббата, а

также облегчить прием гостей, иногда и общение с братьями и даже жизнь с самим собой, со своим нелегким нравом и приступами черной тоски.

Том покачал головой:

— Не стоит беспокоиться. Мое место — здесь. Осенью наши будут пахать — тогда и помогу. Довольно с меня.

А Перегрин, тут же поймавший бы любого другого на лжи, всегда посылавший людей на ту работу, которая им больше всего подходила, сидел перед ним и беспомощно покусывал губы, умоляя взглядом о понимании.

— Благодарю, — выдавил он из себя наконец.

Брат Томас был нужен аббату, и они оба это знали.

И вот теперь Том понуро брел по направлению к ферме. Неужели с того разговора минула лишь неделя? Невозможно поверить. Неделя — и вот уже дверь в прошлое захлопывается... Другой человек в кресле аббата... правит вместо него, вносит изменения... по-иному читает проповеди во время часа чтений. Как будто бы Перегрин уже умер. Или того хуже.

Четыре дня назад брат Томас навестил его в лазарете. Зря только время потратил. Перегрин лежал, не шевелясь и не издавая ни звука, об общении с ним не могло быть и речи.

В первый день болезни Том прибежал в лазарет в шесть утра, едва дождавшись окончания завтрака, который с великим трудом заставил себя прожевать, словно тот состоял из опилок, и встретил у входа Мартина Джонсона — селянина, каждый день приходившего помогать инфирмарию.

— Добрый день, брат Томас. Вы к отцу Колумбе?

— Что? Ах, да.

Колумбой, «голубем», отца нарекли при посвящении в сан. Однако братья величали аббата «соколом» — Перегрином, как назвала его при крещении мать. Все считали, что образ хищной птицы подходит ему куда больше. Да, настоятель мог быть милосердным и чутким, но уж на голубя-то никак не смахивал. Даже его сочувствие проявлялось в пылающей страсти мятежного духа. Какой же он после этого «голубь»? Но, разумеется, для посторонних аббат оставался отцом Колумбой.

— Да, к нему можно?

— Ну... — У Мартина вытянулось лицо. — Я бы на твоём месте не ходил. Не хочу тебя расстраивать, брат, но он в таком состоянии... Лежит себе пластом, весь обмяк, точно сре-занный ремень. Говорить с ним сейчас беспо-лезно, правда. Он тебя даже не узнает.

— Ясно. Спасибо.

Брат Томас развернулся и вышел. Оста-ток дня ему не запомнился. События виде-лись как бы сквозь пелену тупой боли. Долж-но быть, как и всегда, Том работал, молился в положенные часы, но единственное, что он смог потом вспомнить, — ночь без сна в жилище аббата, мирное дыхание отца Чада, подступающие к самому горлу слезы и злые упреки себе: «Ну, не будь глупцом!» Как ему не хватало пронизательных серых очей Пе-регрина, под взглядом которых можно было излить свою боль!

— Вот сейчас мне ужасно плохо, отец, — прошептал он в бессонную тьму. — И так не-обходим ваш совет, чтобы все это пережить!

И тут же по-ребячески рассердился, даже разгневался, вспомнив, что Перегрина здесь

нет — именно тогда, когда он нужнее всего! Утром, во время службы, Том сидел на отведенном для него месте, впившись взглядом в распятие на стене, — так же, как прежде бесчисленное число раз делал Перегрин, — однако ничего не почувствовал. Деревяшка и деревяшка. Господь казался далеким, как солнце в небе, сияющим в бесстрастной славе и согревающим ту половину земли, что не поглощена беспросветным мраком, смятением, болезнями, горем.

После часа чтений, во время которого он с нарастающим в сердце болезненным возмущением выслушал слово из уст отца Чада, восседающего в аббатском кресле, Том опять поспешил в лазарет. На этот раз Мартин Джонсон сидел на солнышке, перебирая огромный мешок мха сфагнума, хорошо впитывающего влагу.

— Доброе утро, брат Томас! Если ты по поводу отца Колумбы — боюсь, у него все по-прежнему. Разве что-то чуть-чуть отпустило. Но правая сторона совсем отнялась: паралич. Так сказал брат Джон. Его только начали мыть и что-то там еще. Честно говоря, будешь

ждать, пока все закончится, — только время зря потеряешь. Мы тебя позовем.

— Спасибо, — печально ответил Том и побрел назад по дорожке.

Этот день он запомнил лучше. Запомнил, как подметал жилище настоятеля и как перетаскивал свою кровать в общую спальню, так как нынешний наместник аббата не нуждался ночью в помощнике и вполне мог самостоятельно одеваться и обуваться.

— То есть вы полагаете, что он не вернется? — спросил брат Томас как можно более легким и дружелюбным тоном.

Сердце его рыдало, но это была слишком личная боль, чтобы с кем-то ею делиться. Тем более, с отцом Чадом. Том вспоминал, как часто он приходил к аббату со своими бедами, искушениями, страданиями: «Отец, можно с вами поговорить?» И Перегрин, отложив дела в сторону, отвечал ему проникновенным, ласковым взглядом: «Выкладывай».

Отец Чад с сомнением покачал головой:

— Брат Джон утверждает, что нет. Видишь ли, он наполовину парализован и говорить не может. Возможно, еще способен видеть и

слышать, но... Увы, брат. Я уверен, что он уже не вернется.

— Да, — сказал Том. — Да, конечно, я уберу кровать.

Потом он прислуживал за трапезой отца Чада, выслушивая озабоченные вопросы гостей и его сдержанные обнадеживающие ответы:

— Нехорошо себя чувствует... перетрудился... пока нужен полный покой... нет, мы не уверены... да, будет счастлив узнать, что вы были здесь и передавали привет... Наилучшие пожелания? Обязательно... Нет; боюсь, посетителей не пускают.

Освободившись, брат Томас пошел к вечерю раньше положенного времени. Какое-то время он бездумно сидел, ощущая, как внутри чудовищным комом разрастается скорбь. Он замер от ужаса, чтобы не стронуть с места эту лавину и окончательно не погибнуть под ней.

Вдруг он почувствовал чье-то присутствие, поднял глаза и увидел перед собой брата Майкла, помощника брата Джона по лазарету. Когда-то, пусть и короткое время, они вместе проходили период послушничества и с тех

пор легко ладили друг с другом, хотя прошло уже столько лет.

— Что же ты не зайдешь его навестить? — спросил брат Майкла обезоруживающе мягким и дружелюбным голосом.

У Тома слезы подступили к самым глазам.

— Я приходил. Но Мартин сказал... — Он не сумел закончить предложение.

— Мартин Джонсон отсылал тебя прочь?

Брат Томас кивнул.

— Очень жаль. Он сунул нос не в свое дело. Зайди завтра утром, после торжественной мессы. — Майкл помолчал и спросил: — Ну, а ты? Представляю, как тебе нелегко. Говорил с кем-нибудь об этом?

— Нет, — сухо обронил Том. — Не хочу я ни с кем говорить.

Брат Майкл тихо смотрел на его лицо с обострившимися от горя чертами:

— Если будет нужно, ты всегда знаешь, где найти меня или брата Джона. Утром увидимся, хорошо?

Том просто кивнул, не решаясь подать голос. Майкл бережно пожал ему ладонь на

прощание и отправился на свое место. Тут прозвонил колокол, и часовня начала заполняться монахами.

Поутру, сразу после мессы и часа чтений, брат Томас поспешил в лазарет. В дверях он столкнулся с Мартином, выносившим поднос с напитками для стариков, гревшихся на солнышке на аптекарском огороде.

— Могу я увидеть отца?

Мартин радостно заулыбался:

— Да, сегодня — почему бы и нет? Только повремени минутку, его сейчас моют и все такое. У его палаты стоит скамейка — присядь, если хочешь, и подожди. Сегодня ему уже лучше. Есть надежда, что оклемается. Не то что в первый день: лежал серым трупом, аж мурашки по коже! Брат Джон сказал, он в полном сознании и все понимает, хотя по виду этого не заметно. Разве только глазами не крутит больше. Инfirmарий велит постоянно болтать с ним — вроде как развлекать. Ну, я стараюсь его подбадривать: «Выше нос, не отчаивайтесь! Думайте о хорошем!» А что, это верно: лучше, когда больные довольны и счастливы. В общем, садись. Там уже скоро закончат.

Том прошел и сел на скамейку у входа в палату. Сквозь приоткрытую дверь доносился негромкий голос инfirmария, объясняющего что-то брату Майклу. Эти двое за много лет сотрудничества отлично сработались и вывели для себя общую систему лечения, в основе которой лежали гигиена, распорядок дня, сочувствие и лекарства.

— Простыню пока не убираем, — размеренно говорил брат Джон. — Ему еще может понадобится чистая. Утром успел помочиться? Да? Хорошо. А кишечник опорожнил? Нет? До сих пор? Три дня уже. Хм-м. Придется что-то делать. Клизмой беспокоить не хочется. Ты лекарство давал, да? Не помогло? Ладно, посмотрим, чем тут можно помочь. Поддай-ка, пожалуйста, банку с мазью. — Его мягкий и добрый голос успокаивал, утешал больного. — Отец, мы должны взглянуть, не пора ли вам облегчиться. Если затянуть с этим — будет худо. Я не сделаю больно. Мы с братом Майклом перевернем вас на бок; я посмотрю, не скопился ли у вас в кишечнике стул, и если да — удалю его.

Тишина в ответ.

— Я так и думал. Вон он, слежался уже. Сейчас достанем.

Хлюпанье. Жалобный, прерывистый стон.

«Боже, когда же Ты закончишь терзать этого человека? — внутренне возроптал брат Томас. — Сколько еще ему нужно вынести? Сколько немощей, боли и унижений Ты еще для него заготовил?»

Прижавшись затылком к прохладной каменной стене, он отчаянно зажмурился и прошептал:

— Так нечестно. Нечестно так!

Иисус, Кому Пeregрин поклонялся и к Кому прибегал во всех страданиях, похоже, вознамерился возложить на аббата Свой страшный крест, заставить его до конца испить ту же горькую чашу.

— О, что за чудесный Друг, — горестно пробормотал Том себе под нос.

— Ну вот, на сегодня достаточно. Теперь вам должно полегчать. Брат, поддержи-ка отца еще минутку: я ополосну руки, подмою его, и пусть себе отдыхает от нас.

Тишина. Плеск воды. Опять тишина.

— Все, готово. Мы пока отлучимся, отец. Я вернусь к обеду. Посмотрим, удастся ли вам что-нибудь поесть. Брат, я заберу горшок и вылью его, а ты, будь добр, возьми полотенце, воду и бритвенные принадлежности.

Вскоре оба вышли из палаты.

— Доброе утро, брат Томас! А я и не знал, что ты здесь. Надеюсь, недолго ждал? Можешь пройти, повидаться с ним. Отец не говорит, но, думаю, все понимает.

— Спасибо. — Том поднялся с места, сясь выдавить улыбку, и потянул на себя дверь палаты.

Внутри царил прохладный полумрак. Утреннее солнце еще не заглядывало в окно, обращенное к западу. Стол. Вместительное деревянное кресло. Низкий стул. Рядом — еще один, с ночным горшком на специальной полочке под круглым отверстием, прорезанным в сиденьи. Кровать... Том перевел взгляд на нее, и его горло сжалось.

«Отец, почему вы кажетесь таким маленьким?» — подумал он.

Потом заставил себя подойти ближе, к самой постели.

«Господи, — пронеслось в голове у Тома, — Боже мой, что Ты с ним сделал?»

Это было субботнее утро; Перегринна только что побрили, и причесали. Выглядеть лучше он просто не мог бы. При этом правая половина лица, с ее жутким шрамом, совершенно обвисла. Глаза не вращались, но из них полностью исчез блеск жизни. Они просто смотрели... нет, не смотрели — пялились в пустоту безо всякого выражения. Том даже усомнился, видят ли они его вообще. Лицо больного оставалось бессмысленным, безучастным, недвижимым, разве что губы безвольно и шумно тряслись, шлепая друг о дружку при каждом выдохе. А на вдохе в носу что-то хрюкало и скрежетало.

— Господи, — прошептал брат Томас, беспомощно глядя на Перегринна сверху вниз. — О, Иисус страдающий... Отец милосердия... О, Боже мой...

Дверь отворилась, и в палату тихонько вошел брат Майкл. Он приблизился, встал у другой стороны постели, и приподнятым голосом произнес:

— А вот и брат Томас пришел вас навещать! Он уже был здесь, но тогда вы себя не-

важно чувствовали. А сегодня вы в форме и такой чистенький, любо-дорого посмотреть. Первый гость, а? Если нам повезет, он даже поздоровается!

Том уставился на брата Майкла, не веря своим ушам. Что толку нести всю эту околесицу? Глаза брата Майкла сверкнули вызовом. «Пожалуйста!» — произнес он одними губами.

Том слотнул, робко положил руку на голову Перегрина, погладил его лоб большим пальцем:

— Добрый день, отец.

И в отчаянии посмотрел на брата Майкла.

— Сегодня лучше долго не задерживаться, — произнес тот по-прежнему бодрым тоном, как если бы посетитель пришел навестить человека с обыкновенной простудой.

«Как у него это получается?» — удивился про себя Том.

И опустил руку. В мутных глазах ровным счетом ничего не отразилось.

Сколько сострадания, ума, смеха, гнева пылало когда-то в этих темно-серых, задумчивых

очах! А теперь? Теперь — ничего, пустота. Яркий огонь человеческой души погас, остался обгорелый дымящийся фитилек.

Помощник аббата отвернулся и направился к выходу.

— Том...

Он обернулся на голос брата Майкла; тот указал кивком на тихую, неподвижную фигуру на опрятной постели. Оказалось, Перегрин повернул голову. Безжизненные серые глаза следили за гостем. Искра в них потухла, песня духа умолкла, и все же они провожали Тома. Тот ответил долгим взглядом — и вышел. Брат Майкл — за ним. Монахи остановились на дорожке, под слепящими лучами солнца.

— Значит, он умрет?

— Нет, мы так не думаем. Не сейчас.

— То есть он останется жить? Вот таким?

Майкл замялся:

— Трудно сказать. Братья Джон и Эдуард считают, что его состояние непременно улучшится. Он сможет покинуть постель и садиться в кресло...

— Чудесно, — с горечью отозвался Том.

— А то и лучше: к нему может даже вернуться речь.

— Речь? Пусть к нему сначала вернется рассудок!

— Откуда нам знать, что с его рассудком, Том? Не нужно спешить с выводами.

— И долго он проживет в таком состоянии?

— Мы не знаем. Может, часы; может, годы... Это никому не известно.

— Но он не умрет?

— Не знаю.

— Маловато вы знаете, да?

Брат Майкл ответил не сразу. Сначала, в задумчивости сорвав лист мелиссы, растер его между пальцами.

— Я тоже люблю его, Том, — произнес он вполголоса. — Как и брат Джон. Нам всем сейчас нелегко.

— Да. Полагаю, что так. Уверен, он тут получает прекрасный уход. Не смею тебя задерживать.

Майкл только вздохнул, проводив брата Томаса взглядом. «Интересно, будь у меня выбор, что бы я предпочел, — думал он: — роскошь

вот так повернуться спиной и уйти от беды, или привилегию встретить ее лицом к лицу?»

И вернулся к своим делам. Старички дожидались очереди опорожнить кишечник, троих из них еще нужно было умыть, да и половина кровати была до сих пор не застелена.

Между тем брат Томас направился прямо к дому аббата, не размышляя и ничего не видя перед собой, кроме пустого, бессмысленного лица, напоминающего свечной огарок или заброшенный дом с разбитыми ставнями на окнах и повисшей на петлях дверью. Войдя в кабинет к отцу Чаду, он без обиняков попросился работать на ферму. В глубине души Том почти надеялся, что заместнику аббата хватит чуткости и проницательности посмотреть ему в глаза и произнести: «Выкладывай!» Но отец Чад был человеком заурядным, поверхностным. Вместо прозорливых серых очей, заглядывающих в глубину души, Томас увидел перед собой приветливые и любезные карие глазки.

— Значит, ты предпочел бы работать на ферме, чем оставаться здесь? — спросил отец Чад.

— Да. Я хоть сейчас — на ферму.

И вот он уже на месте, стоит и прислушивается, пытаясь угадать, где может находиться брат Стивен.

Дорожка вилась между хозяйственными сооружениями — амбаром, коровником и хлевом для доения. Позади к нему была пристроена молочня (предмет ехидных шуточек со стороны братьев с кухни). Еще бы, ведь их собственная молочня была образцом безупречной чистоты, там царила приятная прохлада и свежесть. Радовали глаз аккуратно расставленные широкие чаны с отстаивающимися сливками, капающие частые сетки со свернувшимся молоком, которому предстояло превратиться в мягкий, тонко пахнущий сыр, а рядом — большие куски желтого масла и глиняные кувшины с парным молоком. И хотя на ферме тоже ежедневно более или менее старательно ополаскивали полы водой и терли столешницы жесткими щетками, но по углам, куда редко кто давал себе труд заглядывать, уютно гнездились летучие мыши и пауки. Посередине громоздился просторный, грубо сколоченный стол, на котором

молочные ведра стояли бок о бок с ведрами для колодезной воды и бочонками для сбивания масла. Вдоль стены тянулся ряд фуражных сундуков с зерном и сушеной свеклой, чтобы было чем подсластить коровам время дойки. Строго говоря, уж сундукам-то здесь точно не полагалось бы находиться, но их не убирали, так как монахи не придумали более надежного места спрятать лакомство от любопытной скотины.

На дальнем конце хлева для доения располагался коровник и крытый двор, где стадо содержали в холодные зимние ночи, а иногда — в разгар морозов — и днем. Летом коров выпускали на пастбище, опять же, через него: так было легче на выходе отбраковать заболевших маститом или порезавших ногу и своевременно оказать им помощь.

Далее дорожка змеилась вверх по холму к яблоневому саду, окруженному каменной оградой. Свинарники были встроены прямо в нее: яблоки и росли-то в основном на корм свиньям. Еще им доставались буковые орешки и желуди, опадающие с деревьев, посаженных по дугообразной линии на проти-

воположной стороне сада для защиты хозяйственных построек от северных и восточных ветров.

В этом году две свиноматки принесли четырнадцать поросят, которых брат Стивен теперь откармливал к весеннему приезду епископа — кухонными отходами, сорной травой, осотом, окопником и одуванчиками, а для пущей роскоши по утрам выплескивал в корыто с ячменными зернами ведро молока. Младшие мальчики из монастырской школы сырыми вечерами после уроков собирали улиток и потом с мрачной радостью наблюдали, как свиньи, обезумев от жадности, с хрустом пожирают угощение целыми ведрами.

Рядом со свинарниками располагался крепкий каменный сарай с тяжелой дубовой дверью, плотно прилегавшей к земле: там брат Стивен хранил ветеринарные инструменты и лекарства для животных. И вот оттуда-то вдруг донесся оглушительный шум — душевраздирающий визг и хрюканье. Том сразу понял: это кастрируют поросят. И начал нервно озираться вокруг: а где свиноматки?

Разгадка последовала мгновенно. Две разъяренные свиньи уже неслись вприпрыжку из сада на истошный зов своих отпрысков.

Том по опыту знал, что им ничего не стоило сорвать ворота с петель и отбросить их прочь, словно легкую трехногую табуретку. Они даже каменные кормушки опрокидывали с легкостью, словно деревянные ведра, если только находили возможность просунуть под дно свои рыла. Но к брату Стивену, занятому кровавой работой, им было не пробраться; для того-то он и подгонял дверь с особой тщательностью, чтобы в щель ни один пяточок не пролез. Стало быть, их разъяренным свинейшеством придется выместить злобу на ком-то еще, кого только заметят мелкие, налитые кровью глазки. Взрослая свиноматка в гневе способна с поразительной легкостью перекусить ногу взрослого человека. Том это знал. Лично наблюдал однажды.

На мгновение он оцепенел от ужаса, слушая приближающийся грохот свиных копыт, потом ахнул:

— Пресвятая Богородица! — и бегом устремился к хлеву для дойки.

Дверь поддавалась ему с трудом. Том толкал ее, обливаясь потом и проклиная проржавевшие петли, а заодно и налипшую вокруг косяка солому вперемешку с навозом. Коровы — животные степенные, привыкшие к ежедневной дойке, получив свою долю овса, мирно, без возражений, чередой заходили в хлев по утрам и по вечерам, каждая к своему стойлу, и ждали, когда их покормят. Куда им было убежать? Поэтому и дверь не закрывалась годами.

Снаружи загромыхали садовые ворота.

— О, Бог мой, Бог мой!

Тома трясло с головы до пят. Наконец он закрыл непослушную створку и опустил тяжелый железный засов. Миг — и два мокрых, щетинистых, розовых пяточка захрюкали, просовываясь в нижнюю щель. Высокая, широкая дверь начала подаваться кверху. У брата Томаса округлились глаза. Все петли на ферме делались одинаковым образом — так, чтобы любую створку можно было снять, когда потребуется починка или замена.

— О, небо! — выдохнул Том.

Дверь уже подпрыгивала, отчаянно скрипя. Брат Томас не верил, что даже две

свиноматки управятся с такой тяжестью, и вот, пожалуйста...

— Ну, нет, дорогуши, я вам не ходячий завтрак! — выпалил он, улепетывая к молочне.

На этот раз дверь подалась легко — ее всегда тщательно запирали от падкой на корм скотины. Том вбежал и скорее закрыл за собой. Засов находился внутри; чтобы поднять его со стороны хлева, нужно было просунуть руку в круглое отверстие, прорезанное в самой деревянной створке. Ни одному фермеру в здравом уме не пришло бы в голову оставлять задвижку там, где проворные животные способны до нее дотянуться.

Посередине стола наготове стояли два ведра — одно с молоком, другое с ячменем. Покончив с работой, брат Стивен выпустит поросят из сарая к их негодующим матерям, обождет, пока все успокоятся, отойдут подалее, а потом задобрит их и подманит обратно лишней порцией лакомства.

Том забрался на один из сундуков и стал ждать. Даже когда невыносимый для ушей испуганный поросятчий визг умолк, он все еще не решался тронуться с места.

Не двинулся и тогда, когда через некоторое время закрипела дверь хлева, хотя рассудок подсказывал, что это может быть только брат Стивен. Кто их знает, ведь свиньи — умные и находчивые существа... Потом явно человеческая рука просунулась в отверстие над засовом и подняла его. Брат Стивен вошел в молочню как раз в тот момент, когда Том слезал с фуражного сундука, — и замер, уставившись на товарища в немом изумлении.

— А что это ты здесь делаешь? — осведомился он.

Брата Томаса до крайности рассердил и сам вопрос, и глупый вид Стивена.

— Да я тут решил, — саркастически начал он, — что мирный сельский вид на этом склоне холма как нельзя лучше подходит для глубоких размышлений о Писании. Ну, а что, по-твоему, мне тут делать, тупая башка? Я тут с той минуты, как ты взялся за поросят.

Стивен медленно расплылся в ухмылке, а потом засмеялся:

— Ты от свиней, что ли, прячешься?

— Ой-ой, обхохочешься просто! Хорошо хоть успел!

— Ну, ладно. А что ты здесь вообще забыл? — полюбопытствовал брат Стивен, поднимая со стола ведра с молоком и зерном. — Идем, поздороваешься со свиньями.

— Меня отпустили работать на ферме.

— Насовсем? — монах радостно удивился.

— Насовсем.

— Как же так получилось? — спросил брат Стивен, шагая вместе с товарищем через двор. — Будь любезен, подними ворота и повесь их обратно. Эй, свинки-свинки! Сюда!

Высыпав ячмень и выплеснув молоко в одно из каменных корыт, установленных в саду, он постучал пустым ведром по краю, подзывая животных. Над дорогой аж пыль столбом поднялась, когда свиньи бросились на зов, совершенно забыв о недавних страданиях и радуясь лишнему корму.

Брат Стивен запер за ними ворота и стоял рядом с Томом, глядя как торопливо, с восторженным хрюканьем, животные уничтожают еду.

— Отец уже не выйдет из лазарета, — проговорил брат Томас. — Отец Чад подыскивает

себе другого помощника. Помощников. Ему нужны двое.

— Что ж, разумно. Эта работа как раз для двоих, ведь приходится столько времени проводить на ногах...

— Отец считал по-другому.

Брат Стивен покосился на Тома — и решил сменить тему разговора.

— Значит, — приподнятым тоном произнес он, — ты теперь с нами. Я так рад! Ну да, не мне тебе об этом рассказывать, верно? Дадим сену еще денек на просушку, а завтра, Бог даст, скосим — лишь бы погода не подвела. Здесь так нужны твои руки, твоя голова! С нами, конечно, брат Герман, он шесть недель назад принес первые обеты, но посмотреть на его работу со стороны — подумаешь, что человек за всю жизнь и на пушечный выстрел не приближался к коровнику. Ты так вовремя появился, просто слов нет! Жаль только, стрижку овец не застал.

Брат Томас отозвался не сразу. Какое-то время он молча стоял, опершись на ворота и мрачно разглядывая свиней. Потом спросил безо всякого выражения:

— Мне подоить сегодня?

— Да, пожалуйста. — Стивен помедлил. — Брат...

— Что?

— Я знаю, как ты себя чувствуешь из-за аббата...

— Неужели? — резко перебил его Том.

Стивен попытался еще раз, осторожно подбирая слова:

— Я просто хочу тебе выразить свои соболезнования. Всем известно, как вы с ним были близки. И ты, наверное, очень страдаешь.

— Да. Но что толку плакать над пролитым молоком, правда? Ладно, вечернюю дойку беру на себя. А днем чем заняться?

Брат Стивен вздохнул. Похоже, Том решил остаться наедине со своим страданием.

— Спасибо. Завтра встанем — и сразу косить, как только сойдет роса. Буду очень рад, если ты вечерком подоишь коров. И с утра, если можно. А сегодня мне нужно наточить и смазать косы, проверить, в каком состоянии наши телеги для сена. Потом схожу в поле и к большому амбару — посмотрю, все ли готово.

Брат Герман пойдет со мной, но, если хочешь, ты можешь к нам присоединиться.

— Благодарю покорно, — скривился Томас. — Эта компания — не для меня. Лучше помогу брату Паулину собрать бобы, а после вечерни сядем их шелушить. Одному ему не управиться с таким урожаем. А, вот и колокол прозвонил.

Братья молча пошли вниз по холму. Проходя мимо лазарета по дороге к монастырской церкви, Том даже головы не повернул.

Хор был пронизан солнечными лучами; тихий шелест монашеских ряс и шорох сандалий по полу напоминали глубинное течение в полноводной реке покоя и света, струящейся по церкви в любое время.

Монахи неподвижно сидели каждый на своем месте, опустив закрытые капюшонами лица, и в благоговении беззвучно молились. Томас воспринял молчание с благодарностью. Рядом с ним Теодор тихо листал breviарий в поисках нужного псалма. А вот место Кормака пустовало. Братья с кухни редко попадали к обедне всей компанией: кому-то нужно было готовить главную пищу дня. Служителей

лазарета тоже нечасто видели на службе втроем. Томас искал их глазами. Старенький брат Эдуард сегодня пришел; казалось, его хрупкую согбенную фигурку унесет первый же порыв сквозняка. Брат Майкл проскользнул на свое место в последнюю минуту, когда кантор уже поднимался, чтобы запеть первые слова: «*Deus in adiutorium meum intende*».

Вставая вместе с общиной, Том вдруг ощутил, как на него навалилась усталость. «*Domine ad adiuvandum me festina*»*.

Он пел по привычке, не вникая. Время ежедневного поклонения, обычно так легко переносимое, сегодня казалось тоскливой обузой. Томас бросил взгляд на отца Чада — и вновь ощутил укол обиды: тот занимал теперь место аббата, как ни в чем не бывало. Почему бы им не оставить место Перегринна пустым, как напоминание о его отсутствии, в знак безмолвной надежды, что с ним еще не покончено, что он не умер? «Нет, я несправедлив, — упрекнул себя Том. — Братья не пытаются заменить человека, но кто-то должен исполнять его обя-

* «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне» (Пс. 69:2).

занности. А потом: с ним и вправду покончено, хотя он еще жив».

После службы монахи прошли по галерее к лаваторию, вымыли руки, заполнили трапезную и перед едой стоя вознесли долгую молитву на латыни. Потом сели есть. Рыба, бобы (опять), хлеб, фрукты. Чтец у кафедры бормотал что-то неразборчивое из отцов Церкви.

«И так будет всегда, — подумал брат Томас. — Бесконечная, удушающая вереница одинаковых дней. Бобы, каша, хлеб, молитвы, разбавленный эль, молчание. Вот умру я, приду на небо, апостол Петр возьмет да и спросит: „Сын мой, на что ты потратил жизнь?“ Я скажу: „Ходил в церковь, мой господин, по семи раз на день. Долгие, долгие годы. В полночь вставал на молитву — каждую ночь; годами, годами, годами. Давился хлебом Кормака — причем без ропота, попрошу заметить, мой господин, — ел похлебку. А еще бобы — сушеные, свежие, тушеные, вареные, запеченные — так, что от одной мысли о них уже с души воротило“. Святой Петр посмотрит на меня в ужасе и одновременно с жалостью: „Как же так, сын мой? Разве нельзя было иначе распорядиться

подаренной тебе жизнью? Обидно; ведь другой тебе не дадут. Знаешь, на небесах ведь не отоспишься, и бифштекса тебе не дадут. Ну да ладно, часовня у нас вон там. Желаю приятно провести вечность «».

Тут у него взял тарелку брат Френсис: сегодня была его очередь прислуживать за столом. И в удивлении замер, вопросительно посмотрев на товарища, не имевшего прежде привычки оставлять что-либо недоеденным. Том очнулся от своих размышлений. Посмотрел на бобы, хлеб, размокший в рыбном соусе. Покачал головой. Френсис улыбнулся и унес тарелку.

Остаток дня брат Томас провел на огороде, собирая бобы.

— Я-то думал, мы уже сегодня сожжем всю солому, — заметил он, — а тут еще и на завтра куча работы.

— Да уж, зимой будем по уши в бобах, — довольно ответил ему брат Паулин. — Вот радости-то! Эти я заберу с собой, после вечерни ошелушу.

Как только закончилась служба, Том поспешил вверх по склону холма на ферму. Загнал коров, подоил их, отвез молоко вниз

на ручной тележке, чем несказанно поразил Кормака: «Ты что, убиться хочешь? Зачем надрываешься? У нас для этого пони есть!»

Потом вернулся на огород и лушил бобы до заката, пока колокол не прозвонил к вечерю. Потом долго не мог заснуть в отведенном ему отсеке общей спальни за деревянной перегородкой, куда он переселился из дома аббата. Воздух здесь казался ему безжизненным, душным. Томас ворочался с боку на бок и наконец не выдержал — сел на краешке кровати, обхватил голову руками и начал молча молиться.

«Не знаю, чего Ты хочешь, — воззвал он. — Я думал, что понимаю Тебя, но это совсем не так. Господи Боже, говорят, Твоя любовь дороже жизни... Как обошелся Ты с моим другом? Он любит Тебя, понимаешь? Или Ты про него забыл? Так вот, лучше вспомни, потому что я больше не могу о нем думать. Невыносимо видеть человека таким, когда любишь его и ничего не можешь поделать. Ничего. Это же Ты у нас всемогущий, всеведущий. Я — нет. Словом, Бог, если он Тебе тоже дорог, сделай уже хоть что-нибудь. Ты знаешь что. Я — нет.

Будь это в моей власти, я бы уже вернул его к прежней жизни. Но я не умею творить чудеса. Ничего не могу. Так что разбирайся Сам. Я сдаюсь, выхожу из игры».

На этом слова иссякли, и мысли тоже. Осталась ночь с ее звуками. В соседнем отсеке с присвистом похрапывал брат Питер, чуть дальше зычно рокотал брат Таddeус, бормотал Теодор, еще кто-то странно и резко причмокивал, словно собака, которая ловит зубами блох. А потом колокол прозвонил к ночной службе, и Томас устало поднялся на ноги.

— Ты меня слышал, Бог? — прошептал он, прежде чем уйти. — Подумай о нем, потому что я уже больше не в силах думать. Я его позабуду.

Наступило утро. Пришла пора часа чтения. Во время проповеди отец Чад пытался донести до братьев мысль об исповеди в тайных грехах души перед настоятелем или другим духовным отцом, который сумеет бережно исцелить чужие раны, поскольку получил исцеление собственных.

«Да ну? — с горечью думал Том. — Это наш-то аббат получил исцеление своих ран?»

Или вы понимаете, как исцелить мои? Ох, да что вы об этом знаете? Лучше бы молчали!»

Затем перешли к обсуждению дел насущных. Отец Чад доложил братьям о состоянии здоровья аббата. Улучшений никаких... Положение серьезное... Время уходит... Возможно, останется навсегда прикованным к постели... Пора задуматься о выборе нового человека.

Тут поднялся брат Джон:

— Можно мне сказать? — Конечно, ему позволили. — Братья, прошу вас, не спешите ставить на нем крест. Я видел, как люди выздоравливали после подобных приступов, но для этого требуется время. И вера. Умоляю вас, потерпите. Позвольте мне поработать с ним до весны. Отец Чад пока что отлично справляется. Думаю, до пасхальной недели все пройдет гладко, а потом можно и назначить новые выборы. Дайте же ему шанс. Пожалуйста.

«Глупец, — промелькнуло в голове Тома. — Слепой глупец. Размечтался. Пeregрин уже никогда не оправится».

Община выразила сомнение. Братья тоже полагали, что аббату скоро конец и что подобные упования совершенно беспочвенны.

— До Пасхи, брат Джон, — подытожил в конце концов отец Чад. — Всем нам известна его поразительная жажда жизни, сила его духа. Мы готовы даровать Перегрину шанс.

Том недоверчиво покачал головой. Некоторые просто не понимают, когда нужно остановиться. Вскоре собрание закончилось, и он был даже рад вернуться на ферму. Погода держалась ясная, высокое чистое небо лишь по краю подернулось легкой кружевной завесой белых облаков. Стоя посреди залитого солнцем луга, Том закатал рукава и подоткнул рясу за пояс. Каждый год в эту пору его сердце ликовало, радуясь лазурно-золотым дням жатвы. Но сейчас на душе было хмуро и пасмурно: горе не отпускало, не изглаживалось из памяти, боль заставила умолкнуть песни свободы и восторга.

Оставалось лишь надеяться, что тяжелый труд жатвы поможет забыться, выместить обиду и гнев на траве, что покорно ложилась наземь под мерными взмахами косы.

— Ну что, приступим, — сказал Томас. — Дотемна успеем все скосить и перевернуть разок.

Их было четверо — братья Пруденций, Герман, Стивен и Том. Не такая уж и большая компания; впрочем, и нескошенной травы оставалось немного. Львиную долю сена скосили всей общиной, торопясь успеть до начала хлебоуборки. Однако работа предстояла серьезная, и монахи с ходу нешуточно взялись за дело, обливаясь потом под лучами восходящего солнца. Брат Герман, хотя и происходил из семьи, имевшей фермерское хозяйство, был аристократом и не знал полевых трудов до тех пор, пока не попал в аббатство Святого Алкуина. Учился он быстро, но косяк пока размахивал неуклюже и поэтому все сильнее отставал от братьев, идущих вперед ровным, одинаковым шагом. К тому времени, когда колокол прозвонил к полуденной службе, у новичка дрожали колени, а ладони его кровоточили из-за множества лопнувших водырей.

— Не обращай внимания, — равнодушно обронил Томас. — Мы не сильно из-за тебя задержались. Три части уже готовы. После обеда здесь будет адски жарко, так что сено успеет просохнуть до ночи. А руки перевяжи тряпичей. Они скоро загрубеют, привыкнешь.

— Полегче, брат, — возразил Пруденций. — Он еще слишком юн, а я слишком стар. Можешь надрыватьсь почем зря, если тебе так угодно, только не забывай: наша работа — это молитва, а не беличья гонка в колесе. Мы едва за тобой поспеваем.

— Сегодня лучше траву не переворачивать, — вставил веское слово брат Стивен. — Пусть еще просохнет. Доверимся providению и подождем еще денек. А то мы тут сегодня ляжем костью ради спешки, а через месяц скирда загорится, потому что сено у нас было с сырью.

Томас пожал плечами, что-то неразборчиво проворчал в знак согласия, и монахи отправились вниз по склону. Когда хлебоуборка пойдет полным ходом, их освободят от полуденного перерыва, но последний день покоса — не настолько важное предприятие, чтобы отсутствовать на обеденной службе и общей трапезе.

После обеда братья покончили с работой — правда, ради этого пришлось пропустить вечерню, — и встали, опершись на ручки кос, с удовлетворением разглядывая аккуратные ряды лежащей травы на лугу.

— Коров уже загнали, наверное, — сказал Томас. — Сегодня я тоже могу подоить.

— Брат, ты просто святой, — ответил Стивен от всего сердца. — Меня уже ноги не держат, да и спина пополам разламывается. О, посмотри, как небо побагровело. Это к ведру. Вот завтра и досушим, и сметаем в стога, Божьей милостью. Передай мне свою косу, брат Томас, я ее поставлю в сарай. Иди к коровам, благословляю тебя.

Том без единого слова отдал косу и тронулся в сторону хлева для дойки. Монахи задумчиво смотрели ему вслед.

— Что его гложет? — спросил брат Пруденций.

— Как будто бы ты не знаешь, — отозвался брат Стивен.

— А, ну да... Это для всех нас тяжелый удар.

— О чем вы? — полюбопытствовал Герман.

— У него сердце разрывается из-за болезни отца аббата, — пояснил брат Пруденций. — Бедняга Томас, тяжко ему сейчас.

— Ага, — поддакнул брат Стивен, — да и нам с ним, похоже, будет не легче. Впрочем,

пусть лучше работает до седьмого пота, чем расслаживаться без дела и горевать. Давайте-ка уберем наши косы и пойдем перекусим чем-нибудь до повечерия.

Брат Том сидел на трехногом табурете среди сумеречного хлева, упершись лбом в коровий бок, и мокрыми, жирными от молока руками ритмично сжимал и дергал соски щетинистого вымени. Большое теплое брюхо, внутри которого что-то булькало; движения ходящего из стороны в сторону бока, когда животное переминалось с ноги на ногу; шум дыхания из ноздрей, когда корова поворачивалась, чтобы вопросительно посмотреть на монаха, дожимающего из вымени последние струйки, — все это на время стало для него целым чувственным миром, куда Томас охотно сбежал от своих горестей. Здесь были жизнь, уют и надежность. Но вот молоко закончилось. Том потерся лицом о теплый шершавый бок, ища утешения у этого бессловесного существа. И вдруг отдернулся с бранью, едва не опрокинувшись навзничь, потому что глупая скотина от нетерпения поменяла позу и, подняв заднюю ногу, опустила ее точнехонько в ведро с молоком.

Закат уже угасал к тому времени, как он завершил дойку, выпустил коров, отмыл хлев и задал корму свиньям. Затем, невзирая на жгучую боль в плечах и ноющую боль в утомленных ногах, отвез молоко на ручной тележке вниз по склону. Наскоро подкрепившись элем, хлебом и сыром на кухне, устало поплелся к повечерию, вернулся к себе, рухнул на постель и заснул мертвым сном, пока назойливый колокол не поднял его к ночной службе.

Потянулись похожие, точно смазанные перед глазами дни, полные трудов и усталости. Драгоценное сено убрали в скирды, которые бережно прикрыли в ожидании дождей. Между тем ясная погода продолжала держаться.

Том и Стивен вдвоем работали, не разгибая спины, торопясь починить полевой хлев до начала сбора первых слив. А там и вишня поспела, и ее срочно пришлось обрывать, пока птицы все не склевали. Да еще бобы требовалось собрать, очистить от шелухи и разложить на просушку, чтобы было из чего зимой готовить супы и подливки, — ну и, конечно же, что-то сберечь для посева на следующий год.

Кроме того, на ферме всегда находилась работа. Нужно было натаскать воды из источника в саду на холме. Наполнить ею бочки в коровнике и свиные лохани, научить брата Германа доению, заново наточить и смазать косы перед хлебоуборкой. Прочистить сточные канавы, заменить износившиеся кожаные ремни у цепов, подлатать курятник там, где ночью в него забралась лиса... Плюс утром и вечером — подоить, прибраться в хлеву, отдраить дочиста ведра, отвезти молоко, проверить, чтобы брат Герман крепко запер на ночь кур и гусей. К счастью, брат Стивен сам помнил о своих свинках.

— Не представляю, что бы мы без тебя делали, — искренне поблагодарил он Тома, когда они вместе тесали бревно для второго полевого хлева. — Ты же трудишься за троих. Я и не надеялся, что мы столько успеем до жатвы. С такой скоростью можно даже своими силами поправить голубятню до наступления холодов. Как раз перед пахотой будет немного свободного времени.

Так, день за днем погружаясь в работу, Том ухитрился отделаться от чувства вины и беспо-

мощности из-за неотвязных мыслей о Перегрине. Он перестал горевать, перестал гадать о том, достаточно ли отец в своем уме, чтобы скучать без своего помощника, перестал замечать боль от подобных размышлений. Если поначалу брат Томас заставлял себя думать исключительно о делах, то со временем это стало получаться само собой.

Сначала, проходя мимо лазарета по пути вниз с холма к часовне, он отводил глаза в сторону, однако взгляд упирался в заднюю стену дома аббата; и тогда Том приучил себя смотреть под ноги, упорно раздумывая об удоях, несущках, о чем угодно. Ведь он любил свою ферму. Страдания, порожденные немощью и отсутствием Перегринина, сделались привычным фоном — они отодвинулись с первого плана на задний, пока Томас втягивался в работу на земле и с животными.

И вот минул август с его мерцающим, словно над раскаленной медной жаровней, зноем. Том с удовольствием наблюдал, как нивы наливались красным и белым золотом, слушал, как шелестят ввечеру под ветром тучные колосья. Урожай обещал быть обильным, лишь бы погода не переменялась.

Когда поспели сливы, собирать урожай снова подрядили мальчишек из монастырской школы. Те, как обычно, подняли кутерьму: гоняли по саду гусей, карабкались на деревья и падали с них. Они складывали в корзины сочные, сладкие плоды золотого, пурпурного и зеленого оттенков, набивали себе животы до отвала, а брат Пруденций суетился вокруг, уговаривая детей обращаться с урожаем поаккуратнее. После того как настриженную в июне шерсть удалось продать без остатка, братья Том и Стивен отправились к цистерцианцам в Маунт-Хоуп, чтобы прикупить новых молодых овечек для пополнения стада.

— Тридцать красоток! — радостно воскликнул Стивен, выпуская добычу из телеги на пастбище. — Будто на подбор. И цена отличная. И в следующий раз непременно поезжай со мной, брат. Ты так торгуешься, что мне нипочем не угнаться за тобой. Эти парни всегда обдирали меня как липку.

Томас пожал плечами:

— Надо было подождать и взять их уже ярочками. Заплатили бы больше, но сделка получилась бы еще выгоднее.

— Ой, ну, не знаю. Наш баран и бесплатно готов к услугам, а его семя — дармовое.

Том покачал головой:

— У них порода чище, попробуй угнаться. Впрочем, ладно, сделка все равно недурная, как ты говоришь. Поможешь мне перед вечерней разобраться с дверями доильного хлева? Надо бы придержать коров подальше от новых скирд, а иначе, того и гляди, проморгаем все сено.

— Разобраться с дверями? Та еще работенка: петли-то заржавели вконец. Слушай, ты когда-нибудь угомонишься? Я вообще собирался после обеда дремать на солнышке и любоваться овечками.

— Не так уж и заржавели. Я их смазал и расштал, прежде чем уйти. Двери пойдут как по маслу.

Брат Стивен вздохнул:

— Хорошо, но тогда тебе снова доить. И больше уж я ни за что не возьмусь сегодня. И так все поджилки дрожат от усталости после этой поездки в Маунт-Хоуп. Обычно-то мы берем семь дней выходных и гоним себе

овец, не спеша, к аббатству. А ты вон что выдумал — на телеге! Знаю-знаю, можешь не говорить: зато мы сберегли кучу времени. Боже милостивый! Том, придержи поводья, будь добр. Ты же меня совсем загоняешь. За тобой не поспеть. Такое ощущение, словно ты удираешь от собственной тени.

Содержание

Община аббатства Святого Алкуина	5
<i>Глава первая. На исходе лета</i>	11
<i>Глава вторая. Сразу после бури</i>	45
<i>Глава третья. Собирая осколки</i>	93
<i>Глава четвертая. Покидая безмолвие</i>	149
<i>Глава пятая. Обещание</i>	209
<i>Глава шестая. Боль</i>	255
<i>Глава седьмая. Все проходит</i>	315
<i>Глава восьмая. Зима</i>	355
Словарь терминов	387
Распорядок дня в монастыре	391
Литургический календарь.....	397